УДК 811.111

Седов Игорь Сергеевич

кандидат социологических наук
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Саратовского института (филиала)
Российского государственного
торгово-экономического университета
тел.: (8452) 55-36-06

ЭТНОЭКОНОМИКА В ЗЕРКАЛЕ ИНДУСТРИИ

Аннотация:
В статье анализируется явление деиндустриализации и его социокультурные последствия в историческом разрезе. В современной российской действительности указанная проблема носит не просто актуальный, а острозлободневный характер. Необычным является здесь использование автором социокультурного и этноцивилизационного подхода. Материал изобилует данными социологических исследований и цифровыми сведениями.

Ключевые слова:
хозяйство, этнос, культура, индустриализм, этос, архетип, цивилизация, система.

Sedov Igor Sergeevich

PhD in Social Science,
Assistant Professor of the Humanities and Social Studies Department,
Saratov Institute,
branch of the Russian State University of Trade and Economics
tel.: (8452) 55-36-06

ETHNIC ECONOMY IN THE MIRROR OF INDUSTRY

Summary:
The article examines the phenomenon of de-industrialization and its social and cultural consequences in the historical context, which is an urgent issue in contemporary Russia. Applying ethnic economy and sociocultural approach, the author performs data of social researches and statistics.

Keywords:
economy, ethnos, culture, industrialism, ethos, archetype, civilization, system.

Одним из наиважнейших «срезов» жизнеустройства этносов является хозяйство. В нем сочетаются практически все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной деятельности, технологические знания, навыки и умения. Вариантов комбинации всех этих элементов большое множество, поэтому хозяйство каждой этнической общности обладает неповторимым своеобразием. Этнос – творец своей (самобытной) системы хозяйства. Но хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры данного этноса и каждодневно вовлекая в себя всех его членов, становится важной частью той матрицы, на которой этот этнос собирается и воспроизводится. То есть, в свою очередь, хозяйство – творец своего этноса.

Осмысление некоторых общезначимые в масштабах страны и народа вопросов приводит к выводу о том, что в полиэтничных регионах за сугубо политическими вещами просматриваются этнокультурные архетипы, неявно определяющие формы организации социального пространства и экономической жизни. Именно в этом деле проявился национальный этос, который в самих республиках вуалируется общероссийским системным экономическим кризисом.

Как это ни странно на первый взгляд, но многое объясняется системой ценностей, реализующейся в повседневной жизни, и прежде всего в выборе наиболее приемлемых форм трудовой занятости. Экономический кризис, потрясший индустриальный сектор, привел к его разрушению и свертыванию, но одновременно обнаружил устойчивые этноэкономические типы деятельности, свойственные различным народам. В национально-религиозной среде ряда регионов и республик, например, не было воспитано православное отношение к «черному труду» как к аскезе, как к «тяжкому кресту» человека, и это обусловило проявление некоторых интересных особенностей в экономической сфере.

Своеобычная модель выхода из экономического кризиса, принятая Советской властью в годы первых пятилеток, определила базовый тип экономической деятельности (который к тому же был адекватен практике, складывавшейся на протяжении последних столетий российской истории, и фактически уже сформировался как своеобразный этнохозяйственный тип русских) – индустриализм, то есть занятость в сфере крупного промышленного производства. В условиях полиэтничного населения страны, индустриализм стал своеобразным маркером именно русских.

Политическое руководство Российской Федерации сделало ставку в развитии экономики отнюдь не на промышленное производство как главенствующее направление. Однако деиндустриализация есть прямая и явная национальная угроза для восточнославянского суперэтноса. Почему? Да потому, что в течение двадцатого столетия образ жизни практически всех русских

(в широком смысле) стал сугубо промышленным (то есть присущим индустриальной цивилизации). Даже на селе, подчеркивает С. Кара-Мурза, почти в каждой семье были механизаторы. Машина с ее особой логикой, особым местом в культуре стала неотъемлемой частью мира русского человека [1, с. 100−101]. Русские же стали ядром рабочего класса и инженерного корпуса СССР. Создание и производство новой техники сформировало их тип мышления, вошло в центральную зону мировоззрения. Русские, пишет С. Кара-Мурза, по-своему организовали промышленное предприятие (завод), сформировали особый культурный тип рабочего, инженера, создали своеобычный технический стиль. Никакая другая национальная культура не была в подобной степени пропитана индустриализмом. Деиндустриализация буквально выбросила русских из их цивилизационной ниши.

Сегодня можно достаточно определенно говорить о специфических последствиях экономических трансформаций для русского (славянского) населения Российской Федерации. Приведу пример по Оренбуржью, области с наиболее высоким удельным весом татар в составе населения (7 %) среди прочих областей Российской Федерации. Группой ученых под руководством Л.М. Дробижевой в последние годы был детально исследован блок проблем, характеризующих социальное самочувствие русских и татар, проживающих в регионе.

Социальное самочувствие указанных категорий диагностировалось по ряду критериев:

− удовлетворенность жизнью;
− удовлетворенность в трудовой сфере;
− успешность деятельности этнической группы в различных видах деловой активности;
− ближайшие жизненные перспективы, в том числе в отношении доступа к власти.

Татары показали себя оптимистичней в оценке изменения жизни, нежели русские, причем пессимизм русского населения еще более проявился при оценке жизненной ситуации в целом.

Ощущающих свою жизнь как предел возможного среди русских оказалось почти 40 %, а среди татар менее 30 %. Русские намного чаще (51,1 % против 32,4 % у татар) ощущают, что их положение на работе за последние 5 лет ухудшилось [2, с. 359−361]. Здесь следует отметить, что русское население было занято преимущественно в отраслях промышленного производства (машиностроение, металлообработка, добывающие предприятия), испытывающих значительные трудности в последние годы. Сфера же занятости татар – это торговля, область различных услуг, что и обусловило такое явственное различие.

Вот какую часть русского народа деиндустриализация затронула непосредственно. В 1985 г. в Российской Федерации было 46,7 млн. рабочих. В 2005-м в промышленности, строительстве, транспорте и связи осталось примерно 16 млн. рабочих. Численность промышленных рабочих сократилась за пореформенный период с 18,9 до 8,8 млн. человек [3, с. 100−101]. Так, на крупнейших заводах г. Саратова – индустриального центра, в советское время всегда входившего в первую десятку городов Союза ССР по военно-экономическому потенциалу – трудовые коллективы сокращены в среднем в 6−7 раз. На заводе «Корпус» (общемаш) из 12,5 тысяч работников осталось менее 2 (двух), на заводе «Знамя труда» (судпром) примерно такая же картина, авиационный завод с некогда 25-тысячным коллективом полностью ликвидирован, причем единственным предприятием-изготовителем (беспрецедентный случай в мировой практике!) прекращено техническое сопровождение находящихся в эксплуатации летательных аппаратов (самолетов Як-42).

Такого рода деклассирование суть социальное бедствие и личная трагедия для миллионов наших людей. Но вместе с тем это еще и глубочайший регресс в развитии тысяч и тысяч малых городов и поселков, где остановлены заводы и фабрики, ибо промышленное предприятие стало здесь центром всего жизнеустройства.

Уместным будет напомнить здесь, что накануне Первой мировой войны царская Россия производила чуть более 4 % мировой промышленной продукции при 9 % населения планеты. Это в два раза меньше среднемирового уровня. В 1937 г. Советский Союз выпускал 13,7 % мировой промышленной продукции, имея только 8 % населения от общемирового [4, с. 51]! Бурно развивалось отечественное образование, особенно технического профиля.

В годы Великой Отечественной войны аналитики гестапо информировали руководство Третьего Рейха о том шоке, который вызвали у немцев уровень общей грамотности и техническая квалификация русских «остарбайтеров». Во многих докладах отмечалось, что рабочие из оккупированных советских областей «обнаруживают особую осведомленность во всех технических устройствах» [5, с. 25]. Они в состоянии устранить с помощью даже примитивных средств любые поломки в моторах. Вот конкретные примеры. В сообщении из Франкфурта-на-Одере говорится: «В одном имении советский военнопленный разобрался в двигателе, с которым немецкие специалисты не знали, что делать: в короткое время он запустил его в действие и обнаружил затем в коробке передач тягача повреждение, которое не было замечено немцами, обслуживающими тя-

гач». В Ландсберге-на-Варте немецкие бригадиры проинструктировали советских военнопленных, большинство из коих происходило из сельской местности, о порядке действий при разгрузке деталей машин. Но этот инструктаж был воспринят русскими покачиванием головы, и они ему не последовали. Разгрузку они провели значительно быстрее и технически практичнее, так что их сообразительность очень изумила немецких сотрудников [6, с. 24−25].

А на нашем Северном флоте, находившемся в годы войны в постоянном контакте с союзниками (англо-американцами) моряки из экипажей британских подводных лодок даже простых советских матросов считали переодетыми инженерами [7, с. 76]. К слову, в июле 1942 г. нашу подлодку К-21, накануне атаковавшую флагманский корабль германского флота «Тирпиц», посетили английские офицеры с подводной лодки «Трайдент». Более всего англичан изумил дизельный отсек, сверкавший мощными двигательными установками. Союзники внимательно всмотрелись в фирменную табличку советского завода-изготовителя: «А мы думали, что у вас стоят немецкие дизеля...» [8, с. 76].

Вообще следует отметить факт необычайно эффективного выполнения программы модернизации СССР в предвоенный период времени и прежде всего, небывало высоких темпов индустриализации. Все это достигалось чрезвычайным трудовым и творческим подвижничеством народа при всеобщем энтузиазме, по силе и по чувству сходным с религиозным. Однако, подчеркивает С. Кара-Мурза, условием и в определенной мере следствием этого запредельного порыва был тоталитаризм, то есть соединение общества жесткими скрепами. И если вынужденное «закручивание гаек» в период так называемого «военного коммунизма» обусловило переход к нэпу, то советский тоталитаризм тридцатых обеспечил «чудо индустриализации». Касательно нэпа надо сказать, что к развитию индустрии он имеет косвенное отношение. Бурный расцвет делинквентных практик во время нэпа не мог стать оправданным с точки зрения экономической ни при каком стечении обстоятельств: потенциал экономического развития при нэпе как щадящем варианте индустриализации был проверен путем математического моделирования в 1989 г. и расчеты показали, что при его продолжении был бы возможен рост основных производственных фондов в интервале 1−2 % в год. При этом нарастало бы отставание не только от Запада, но и от роста населения Советского Союза (2 % в год). Указанное обстоятельство предопределяло поражение при первом же военном конфликте и внутренний социальный взрыв ввиду массового обеднения населения [9, с. 173]!

Ссылки:

1. Кара-Мурза С. Проект «Путин». М., 2011.
2. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. Книга I.
3. Кара-Мурза С. Указ. соч.
4. Мухин Ю. Крестовый поход на Восток. М., 2004.
5. Там же.
6. Там же.
7. Пикуль В. Реквием каравану PQ-17. М., 1997.
8. Там же.
9. Артюхов А. Криминальные практики России сквозь призму культуры. Ростов-на-Дону, 2004.

References (transliterated):

1. Kara-Murza S. Proekt «Putin». M., 2011.
2. Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'. M., 2002. Book I.
3. Kara-Murza S. Op. cit.
4. Mukhin Y. Krestoviy pokhod na Vostok. M., 2004.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Pikul' V. Rekviem karavanu PQ-17. M., 1997.
8. Ibid.
9. Artyukhov A. Kriminal'ne praktiki Rossii skvoz' prizmu kul'tury. Rostov-na-Donu, 2004.